

В данной газете «Пяэвалехт» интервью президент Тоомас Хендрик Ильвес находит, что местами забота о судьбе государства уступает внутренней борьбе за свою партию.

В политических кулуарах уже продолжительное время говорят о ремонте правительства...

...я ничего об этом не знаю.

...и в четверг политики признали кризис и публично. Был бы правительственный кризис в нынешнее сложное время катастрофой или, наоборот, путем спасения и решением проблемы?

В отношении Эстонии фактом – известным, очевидно, также там, на Тоомпеа, – является, что сохранившаяся стабильность правительства дает положительный эффект с аспекта доверительного отношения к нашему государству. Создавать здесь новую коалицию...

...Вы считаете неразумным?

Пусть решают политики. Однако обратите внимание на некоторые соседние

государства. На доверительное отношение к ним и на судьбу экономики смена правительства повлияла плохо. Мы видим государства, где правительство пало, потому что решения, которые пришлось бы принять, были очень трудными. Новое же правительство пошло по более легкому пути и принимает теперь явно популистские решения.

Так что это выбор нашей коалиции власти, как она поведет себя. Раскол правительства представляет собой риск для его организаторов, поскольку неясно, что они выиграют и что потеряют. Конечно, выступивший может и победить: тогда он мог бы нападать на других и постоянно говорить о том, что у них были правильные идеи, но...

Сам же я полагаю, что нынешняя коалиция власти могла бы продержаться вместе, по крайней мере, до выхода из самого низкого уровня экономического спада. Это всё-таки ответственность перед всем государством.

Как Вы повели бы себя, если были сейчас министром финансов? Выставили бы Вы одновременно свою кандидатуру первым номером от своей партии на выборах в Европарламент и выполняли бы в то же время тяжелую работу министра финансов в такое сложное время?

В 1998 году я был аполитичным министром иностранных дел. Чтобы баллотироваться (весной 1999 года – ред.) на парламентских выборах, я покинул в октябре 1998 года правительство.

Что бы Вы сделали, если были бы премьер-министром?

Всякое высказанное мною мнение могло бы подействовать, как упрек. Это копание в теме, которое не поведет нас дальше. Премьер-министр находится в тяжелом положении – он руководит коалицией, состоящей из трех партий. В качестве премьер-министра я был бы очень разочарован, если бы моя партия и остальные партии не договорились между собой.

В связи с составлением различных дополнительных бюджетов я часто встречаюсь с руководителями правительственной коалиции, потому что хочу знать, что происходит и как идут дела. Мне кажется, что это могло бы их немного дисциплинировать, и они, возможно, проявят большее понимание ответственности перед государством.

Вы не видите внутренней борьбы – государство или партия?

Иногда, если посмотреть на высказывания и действия людей, кажется, что то, как пойдут дела у государства, уступает внутренней борьбе за судьбу своей партии. Однако мне кажется, что в настоящее время победят партии, которые выступают за государство, а не ведут себя в соответствии с лозунгом: поставим его на место!

Вопрос сейчас заключается в двух выборах: или евро, или признание того, что мы не способны справиться с выполнением этого критерия. К сожалению, разъяснительная работа слабая, и люди не понимают, зачем все же нужен евро.

Общая разъяснительная работа действительно слабая. В своих интервью и высказываниях я всё же делал это. Главная причина заключается в том, что без евро мы не получим инвестиций. Наш экономический рост опирался а) на наши собственные действия, б) на заемные деньги и в) на иностранные инвестиции. Последний фактор отпадает, потому что нашей экономике не доверяют, также и кредиты для нас более дорогие.

Возможно, мы стали и жертвами своих соседей, поскольку Эстонию не отличают от них?

Это правда. В западной прессе часто публиковались статьи как бы о едином Балтийском государстве, столицей которого является Рига, и если отмечались неурядицы в каком-либо другом государстве, то это автоматически присваивалось нам. Несмотря на то, что в последнее время в отношении Эстонии дела прояснились, доверие к нашей экономике низкое, и инвестиции сюда привлечь трудно.

По всем оценкам, начиная с МВФ и кончая местными бизнесменами, присоединение Эстонии к еврозоне должно бы опять повысить это доверие. Хотя в действительности эстонская крона сильная и ей не угрожает никакая опасность, повышенная неуверенность в отношении валют Латвии и Литвы сделали инвесторов осторожными также и к эстонской кроне.

Девальвация, однако, не принесла бы нам никакой пользы. У нас отсутствует товар, который было бы легче продать в результате девальвации. Skype не станет привлекательнее от того, что у нашей кроны будет другой курс. Однако опасность девальвации и озабоченность этим ограничивают сейчас наши инвестиции. Бизнесмен ведь думает о том, что если он сейчас инвестирует в Эстонию миллион евро с курсом 15,65, а через два месяца этот курс составит вовсе 20 крон, то в таком случае он потеряет 25 процентов своих денег. Поэтому евро – это то, что служит гарантией для иностранных инвесторов. Инвестиции являются очень существенным компонентом в восстановлении нашей экономики.

Ведь евро не является волшебным лекарством?

Не является. И его нельзя фетишизировать. Однако он представляет собой одну из сильных предпосылок экономического роста. Альтернативой может послужить отказ от введения евро, однако это приведет к еще более серьезным последствиям. Если бы мы остановились тогда со своим дефицитом на уровне 3,2 процента, то ничего особого к лучшему не изменилось бы. Если же мы войдем в большой дефицит, то подчиним свои решения МВФ. По этому пути пошли Латвия, Румыния и Венгрия, Литва ведет переговоры. Тогда мы лишимся права решения, и в конце концов кто-то другой скажет, чтобы мы уменьшили расходы еще на 40 процентов.

Так что легких решений нет. Надо приложить больше усилий для вхождения в еврозону. Тогда возникнет доверие к нашей экономике.

Правительство, правда, прилагает усилия. К сожалению, перед общественностью создан образ, как три участника правительственной коалиции только препираются между собой.

Межпартийная борьба – это совершенно иной вопрос. Там проблема заключается не в том, сколько сократить, а откуда сократить. Ведь правительственные партии придерживаются единого мнения, что наш дефицит бюджета должен быть ниже трех процентов от ВВП.

В связи с бюджетом говорилось как об увеличении доходов, так и об ограничении расходов. Ведь сокращать бесконечно невозможно.

Увеличение доходов – дело относительно сложное. Если повысить налог с оборота или акциз на алкоголь, то подорожают вещи, люди будут покупать меньше, и опыт других государств показал, что таким образом можно и не достичь желаемого эффекта.

Второй вариант – это повышение подоходного налога, однако я понял, что этот вариант коалиция сейчас исключает. Правительство должно принять решение и взять на себя сопутствующую ответственность.

Вы сами неоднократно говорили о том, что предвыборные обещания следует забыть и что запретных тем и красных линий больше не существует. Означает ли это всё же то, что фактически созрел момент повысить подоходный налог с частного лица?

Мое личное мнение по этому вопросу может быть истолковано, как политическое давление. Однако я жил в условиях, когда я платил 50 процентов подоходного налога, и я пережил это достаточно хорошо. Было это в Германии. Я не являюсь ни налоговым фетишистом, ни налоговым фундаменталистом. Важным является, как выйти из нынешнего положения, и, естественно, я поддерживаю любые разумные решения.

Так что президент Ильвес поддерживает повышение подоходного налога с частного лица?

Этого я не говорил (смеется).

Справляется ли, по Вашей оценке, правительство с выполнением критериев и целью перехода на евро? Как Вы оцениваете работоспособность правительства?

В более широком контексте правительство справилось со своими задачами довольно хорошо, потому что оказалось в состоянии реализовать вещи, которые другие правительства в своих государствах не сделали. Сами мы хнычем, а у МВФ и Европейской комиссии рот открывается от удивления, что правительство Эстонии решительное, принимает решения и действует. На следующей неделе МВФ будет здесь, и вы сами сможете спросить у них об этом.

Я предсказываю, что их ответ будет следующим: в Восточной Европе есть государство, где отсутствует популизм, и которое делает то, что оно решило сделать. Думаю, что эстонской прессе по силам сравнить другие государства Восточной Европы – каков их экономический спад и каковы их решения.

Так что Эстония является молодцом?

В этом контексте Эстония действительно бросается в глаза с хорошей стороны. Однако есть иные государства и народы, которые полагают, что если дела идут хорошо, то это плохо, если дела идут очень хорошо, то всё равно плохо, а если что-то вышло немного боком, то это сразу прямо-таки очень плохо.

Лично сам я нахожу, что действовать следовало бы несколько быстрее.

Вы привыкли к очень быстрому принятию решений, а поэтому я и рекомендую посмотреть, что сделали другие. О чем же на самом деле можно было бы больше говорить, так это о принятом во время правительства Марта Сийманна решении о создании стабилизационного резерва. Именно это позволило нам встретить нынешний кризис совершенно иным образом, чем многие наши соседи. Мы не растратили всех

денег, благодаря чему находимся в лучшем положении.

Каковы еще существенные решения, помимо евро, о которых государство должно подумать?

Прекратить т. н. социкличную экономику. Когда дела в мире идут лучше, мы тратим чрезвычайно много, а когда дела идут плохо, то идем на попятную. На самом деле это должно быть, так сказать, антицикличным – если дела идут хорошо, то мы консервативны и не расходуем много денег, а если цикл замедлится, то у нас есть, на что опереться.

Беда всех государств заключается в том (лишь некоторые государства справились в этой ситуации лучше), что не продумали обстоятельства в более долгосрочной перспективе, а продумали их только до следующих выборов.

Например?

Возьмем хотя бы сферу образования. Если у нас имеется долгосрочная цель, например, мы хотим, чтобы через 15 лет у нас было больше инженеров, то следует уделить больше внимания реальным предметам и сделать их популярными не позднее чем уже сегодня. Постановку целей технического университета можно было бы уточнить и выделить больше денег на техническую инновацию.

Например, Финляндия задумалась 30 лет назад о том, как хорошо проявить себя в мировом масштабе, и тогда и основали в Оулу университет, который сосредоточен на инновации и технологии.

Всё это не поможет нам выйти из кризиса, но поможет нам как государству достичь положения, что мы не будем бедным восточно-европейским государством.

Чего нельзя сокращать ни в коем случае?

Конечно, неразумным является сокращение там, где существует софинансирование со стороны ЕС. Было бы весьма плохо, если бы мы не финансировали, например, Эмари, получая в то же время от НАТО деньги для Эмари. Сокращения должны производиться все же с учетом того, что в общем лучше для человека, а не по лицу партии и в зависимости от министерства. Не работает логика, по которой избиратель вроде бы поддерживает ту партию, которая кричит – я сократила на семь процентов меньше! Это не является победой ни для правительства, ни для государства, ни для народа. Я надеюсь, что избиратель оценит решения и сокращения справедливо.

Я напомним, что, несмотря на спад, мы находимся не в 1970 году, а приблизительно в 2005 или 2006 году.

Что сказать в утешение тем десяткам тысяч людей, которые потеряли свое рабочее место?

У нас все-таки существуют государственные программы, разработанные в свое время на этот случай. Правда, они далеки от идеала, однако они имеются. Самым существенным, пожалуй, является опора на свою семью. В Испании безработица составляет сейчас 17 процентов, что намного хуже, чем у нас. Однако им это не кажется таким страшным, потому что у них сильная семейная, общинная и локальная связь, а также неформальные связи между людьми. Люди помогают друг другу, дети переезжают

обратно к родителям и т. д. Во время кризисов внутренняя неформальная связь является тем, что помогает. Обязательно советую людям, у которых имеется хотя бы малейшая возможность, использовать это время для самообразования. Читайте и занимайтесь делами, которыми вы не могли заниматься в то время, когда ситуация была иной и у вас не было времени. Занимайтесь своими детьми, своими родителями. Плохие времена когда-то закончатся.

В своих выступлениях Вы часто использовали слово «забота». Проявляют ли наши люди заботу друг о друге, проявляют ли они заботу о своем государстве и отвечает ли государство им тем же?

В действительности я думаю, что у нас здесь проявляют много заботы, однако это не всегда можно увидеть. Особенно в суровой урбанизированной Эстонии. Однако это не вся Эстония. Вы часто посещаете свои хутора и знаете, что соседи, друзья, совместные работы – всё это действует, и эти вещи помогают. В городах людям намного сложнее, они не знают даже своих соседей в многоквартирном доме. Поэтому надо приложить особые усилия, если вы увидите, что кто-то нуждается в помощи и кто-то испытывает затруднения, в этом случае подумайте, чем вы можете помочь человеку. Когда-то это возвратится с лихвой. Если наше общество станет более заботливым, – а такое может произойти только в том случае, если каждый будет сам более заботливым, – тогда у нас возникнут новые обычаи. И если в следующий раз вам самим понадобится помощь, то вам самим, возможно, будет легче, потому что у нас уже будут новые обычаи.

Здоровье, пожалуй, тоже очень важно?

То, что в 55-летнем возрасте я могу сбросить в весе, показывает, что такая попытка не является безнадежной. Но здоровье, особенно здоровье мужчин, продолжительность жизни которых в Эстонии почти на десять лет короче, чем в Западной Европе, зависит в значительной части от собственных действий. Я, например, больше не курю. Иногда на меня набрасываются с критикой, потому что я жую жвачку Nicorette. Кстати, это же

делает и президент Обама, который, однако, время от времени все еще курит...

А Вы иногда тайком покуриваете?

Нет! Работники канцелярии больше даже не предлагают. Мне это не нужно. Курение – это бессмысленная трата денег. Кроме того, это влияет на ваше собственное здоровье. О своем здоровье надо думать, потому что вы отвечаете не только за себя, но и за своих близких. Если у вас есть работа, но вы не проявляете заботу о своем здоровье, то в какой-то момент ваши близкие могут остаться одни и в большой заботе. Не надо забывать и того, что если у вас лучшее здоровье, то выше и работоспособность.

Лично я полагаю, что самым опасным является чувство безнадежности и возникающее в связи с этим духовное вырождение.

Духовное вырождение начинается, если безработица продолжается очень продолжительное время. Мы далеки еще от такого положения и прежде выйдем из него. Так что не надо заниматься излишним мазохизмом. Два года назад в Эстонии была очень высокая трудовая занятость. Экономисты говорят, что полная трудовая занятость означает 4-процентную безработицу, так у нас и было. Нынешний уровень безработицы в Эстонии составляет 8–9 процентов, и это не конец света. В 2001–2002 годах безработица у нас была больше, чем сейчас.

Однако правительство говорит только о том, как уменьшить компенсации, выплачиваемые безработным через кассу страхования от безработицы. Как может

такое положение придать оптимизма?

С выплатой компенсаций дело может обстоять действительно так, что всё то, что обещали в свое время, наши нынешние возможности просто не вынесут. Потолок компенсаций составит 15 000 крон в месяц, причем и это достаточно высокая сумма. Не лучше ли уменьшить размер компенсаций и выплачивать их в течение более продолжительного времени или оставить так, как сейчас, и затем в один прекрасный день развести руками, мол, денег больше нет?

Джон Ф. Кеннеди, если мне память не изменяет, сказал когда-то, что правление то и означает, что, опираясь на недостаточную информацию, приходится выносить решение с конкретными влияниями. Я не оправдываю здесь правительство, однако поскольку находился в их положении и знаю, каковы выборы, то я знаю и то, что только задним числом можно сказать, был ли поступок разумным или глупым. Я не знаю, сколько времени продлится кризис.

Как Вы сейчас, в начале мая, оцениваете то, что царит полное затишье в отношении того, какими будут составление, принципы и граничные линии бюджета на 2010 год?

Все видят, что сейчас, составляя негативный дополнительный бюджет, правительство занимается тушением огня. Но я надеюсь, что у нашего правительства хватит административной способности заниматься одновременно также граничными линиями бюджета следующего года.

Государство оказалось с глазу на глаз с глобальным кризисом, но не заключается ли самая большая проблема в том, что мы потеряли перспективу?

Уже в 2003 или 2004 году я написал статью и задал вопрос: где это более перспективное видение? Из одного анализа новых государств ЕС, выполненного недавно в Болгарии, в отношении Эстонии бросилось в глаза, что у самой Эстонии нет инициатив, Эстония ничего не блокирует, но если кто-нибудь предложит что-либо, то мы поддерживаем. Я думаю, что это отсутствие большой идеи, в чем я раньше упрекал, с одной стороны действует.

С другой стороны, нельзя опускаться до того, что мы ведем себя, как национальность, основывающаяся на проекте: Александровская школа, независимость, Освободительная война, затем между делом мы деремся, и проектов нет, затем Народный фронт, Партия национальной независимости Эстонии, опубликование пакта Молотова–Риббентропа, вывод российских войск, присоединение к НАТО и Европейскому Союзу... И после претворения этого проекта в жизнь царит тишина. Мы не должны жить во имя одной цели. Возможно, следовало бы сосредоточиться на небольших делах, которые в сумме создали бы представление о самосознательном и работающем во имя этого государстве. Будь то либерализация энергетического рынка или стратегия Балтийского моря во время председательства Швеции, активное развитие программы «Восточного партнерства». Речь об общей большой цели – это то же самое, что речь о поиске Nokia. Решительность во многих вопросах – это то, в чем мы нуждаемся.

Вы сказали, что мы останемся в Афганистане надолго, однако только военный вклад ситуации не решит – необходим гражданский вклад. Вы сами сослались здесь на программу «Восточного партнерства», с которой выступила Европейская комиссия. Ясно, что для ЕС важно, чтобы его окружали белые или, по крайней мере, в серых тонах государства, где царят демократия и рыночное хозяйство. В то же время для государства настали трудные времена, и все ищут источники сокращения, и, естественно, в таком случае думают и о сокращении помощи на развитие.

Если мы пойдем на попятную, то это будет иметь последствия. Частично это сейчас понятно, когда мы уменьшаем свой денежный вклад в иностранную помощь. Но если мы скажем, зачем мы вообще это делаем, то и у этого имеются последствия. Поскольку мы являемся государством, для которого солидарность и поддержка других государств являются гарантией нашего существования, то мы также понимаем, что если мы

вкладываем в общие операции или проекты, то другие доверяют нам и, в свою очередь, вкладывают в нас. Оставив своих союзников в одиночестве, оставляешь в одиночестве и себя.

Мы обладаем опытом, который мы умеем передавать. Мы не собираемся учить афганцев скалолазанию, но мы можем помочь им осовременить систему здравоохранения.

Эстония является одним из немногих государств, если не единственным, удваивающим свое участие в Афганистане. А именно, охранять президентские выборы в Афганистане отправляется наша пехотная рота, которая окажется с морскими пехотинцами США, предположительно, в самом пекле. Не опасаетесь ли Вы, что, отправляя их туда, мы приносим слишком большую жертву? Не предпринимаем ли мы пропорционально слишком много?

За этим решением стоят многие люди, и я доверяю людям, принявшим это решение.

Не озабочивают ли Вас возможные сокращения в государственной обороне? Ясно, что всем необходимо сокращать, но как сделать это таким образом, чтобы многие начатые проекты не превратились в бессмысленные? Другой темой является также и наше доверие в глазах партнеров, хотя, вероятно, все понимают, что время трудное.

В 2008 году у 19 государств-членов НАТО процент оборонных расходов от ВВП был меньше, чем у Эстонии, у пяти государств он был больше.

Уменьшение расходов на оборону не означает, что призывники не будут призваны на

военную службу. Это утверждение неверно! Аналитик мог бы взять и посмотреть, на каком уровне и с какой суммой Эстония была в 1993 или в 1997, в 1999 или в 2004 годах. Всё крайне важное было осуществлено.

Подумаем теперь на момент о положении, когда повсюду сокращают, но не в сфере расходов на оборону, и на другие министерства налагается больший груз. Тогда мы опять возвращаемся к теме безработных, и каким было бы влияние этого на безопасность государства? Люди думали бы о том, что в отношении НАТО не сократили ничего, а их зарплату сократили. Политики должны подумать и об этом.

Во время нынешних трудных переговоров партии постоянно вкрапляют в СМИ идеи своих партнеров, чтобы опорочить эти идеи и, выдвигая на первый план свои идеи, самим снять сливки. Между собой общаются письменно. Как Вы оцениваете такое поведение? Можно ли это охарактеризовать словосочетанием «агрессивное опошление» и сравнить с публикуемыми в СМИ кровавыми фотографиями, которые видят также и дети. Одна из задач президента – быть, образно говоря, исцелителем душ для государства и правительства. Тем самым, доктор Ильвес, здорово ли это правительство?

Во-первых, об этой кровавой фотографии. Меня не было два дня в Эстонии, вернулся, сижу за компьютером вечером часов около шести и смотрю, что произошло в Эстонии. Дочь приходит домой, садится мне на колени и вдруг смотрит в сторону компьютера, а там фотография, на которой кровавая до запястья рука держит нож. И ребенок спрашивает у меня: папа, что это такое? Ну послушайте, зачем надо показывать такое, дети ведь смотрят это.

Но – вопрос был о правительстве. Скажем так, что в более широком плане меня беспокоит в эстонской политике то, что существуют более большие цели, и есть еще очень краткосрочная выгода, которой можно достичь небольшой уловкой. По моему мнению, в нынешней ситуации уже давно потеряно то место, когда результат небольшой уловки может помочь тебе. Ты можешь получить 0,000003 дополнительных процента благодаря своей маленькой уловке, однако избиратель не видит этого – его интересует, справится ли правительство в целом со своей задачей.

Когда-то, проводя избирательную кампанию Рийгикогу, я был в оппозиции, и всё равно люди ругали меня: что это правительство делает! Так что полагать, что преобладающее большинство знает, что делает тот или иной политик у власти, является заблуждением. Это знает только небольшое число людей, интересующихся политикой.

Сейчас мы очень нуждаемся в деятельном правительстве, а не в правительстве, которое хотя бы для виду подставляет подножку другому. Такая деятельность препятствует работе.

Если мы уж заговорили о прессе, то Вы равнозначно наложили на всю эстонскую прессу клеймо «желтая» и «промышленность клики».

Я три раза высказал перед общественностью что-то о прессе. Один раз я говорил об озлобленности бульварных газет, в другой раз – об агрессивном опошлении, а в третий раз без моего ведома записали частную беседу, когда записывающие не знали, чем беседа вообще началась. Вы и ссылаетесь на этот последний случай. Однако я задам ответный вопрос: почему вы так чувствительны? Пресса может критиковать всё и вся, однако при появлении небольшой критики в сторону прессы она полностью выходит из себя (смеется).

Какой же пресса должна быть на самом деле?

Не рваться в политику. Возьмем хотя бы сбор подписей против повышения зарплаты членов парламента. Хорошо. Но если этим занимается пресса, является ли она еще объективной? В ситуации, когда пресса начинает непосредственно заниматься политикой, уже нельзя прятаться за тем, что мы – пресса, и нас нельзя критиковать. И

когда я в тот раз что-то сказал, меня атаковали – президент хочет установления «молчаливой эпохи».

Когда-то мне вбили в голову, что классическая пресса – это когда в статье по меньшей мере два источника и что новость и отзыв нельзя смешивать друг с другом. Сейчас же такое, к сожалению, я наблюдаю часто.

Пресса находится под атакой не из-за пары комментариев президента. Самым большим врагом прессы сейчас являются развлекательные СМИ, целью которых не является передача по возможности правдивой картины. Но лично я в отношении долгосрочной перспективы относительно оптимистичен. В трудное время в СМИ выживает издание, которое заслужило доверие. Сейчас доверие из-за всех перечисленных примеров очень хрупкое, но в конечном итоге главный редактор предлагает ведь читателю услугу, заявляя, что прочитанное в моей газете является достоверным, здесь вы не прочтете выдумок и злонамеренных статей. Подумайте об этом.

Недавно Вы прочитали в Туркусском университете лекцию «Кто мы и где мы». Кем же мы являемся и где мы находимся? (На это выступление в Финляндии обратили внимание – ред.)

Идея заключалась в том, чтобы заставить людей подумать о том, как они видят мир, государства и географию, и, возможно, не самым правильным является то, что работало в 1920 или 1980 году.

Мы не можем сами изменить того, кем мы являемся. Мы не станем другой национальностью. Однако мы можем выбирать, куда и в какое общество мы поместим себя. Мы можем заниматься своей духовной географией. 80 лет назад существовало четыре Балтийских государства, теперь – три. После Второй мировой войны Прага вдруг превратилась в Восточную Европу, а расположенная к востоку от Праги Вена оставалась Западной Европой. Все эти изменения произошли независимо от воли самих государств, они произошли под давлением внешних сил.

В действительности мы могли бы устремиться в том направлении, что мы сами выдумаем новую концепцию, которая в большей степени соответствовала бы той реальности и возможностям, которые у нас имеются внутри ЕС. Необходимо преодолеть распределение по графам и классифицирование, характерное для времен холодной войны.

Способны и хотим ли мы создать для Эстонии, своего региона, новый идентитет?

Наберемся же смелости от южно-европейских друзей, которые говорят, что мы – один из северных народов, и хотим прозрачности и постоянно требуем то одного, то другого. А почему бы и нет? Напомним, что Сийм Каллас потребовал при поддержке Северных стран опубликования имен получателей сельскохозяйственных субсидий от государств ЕС и что южные государства боролись против этого до конца. Теперь это требование существует, хотя я видел, что Германия все еще не опубликовала имен этих получателей.

Ссылка на оригинал статьи: [Eesti Päevaleht](#)